

ЮРИЙ ПАВЛОВ

“КРИЗИС И ДРУГИЕ” С. КУРГИНЯНА

Фантазии на литературно-политические темы

Я давно стараюсь не читать статьи Сергея Кургиняна – с детства не люблю фантастику. Однако с подачи возмущённого коллеги всё же одолел “эпопею” “Кризис и другие” (“Завтра”, № 37–48) и решил выразить своё отношение к ней.

В этой работе в первую очередь удивляют логика и система доказательств автора, который в определённых кругах слышит за политического аналитика и который так говорит о себе: “Я хочу на фактологической, а не спекулятивной основе подбираться к ответу...”; “Метод, который я исповедую, предполагает, что, помимо рефлексии (аналитики текстов, то есть), исследователь предполагает перцепцией (то есть этим самым личным опытом). <...> Но апеллировать я намерен к рефлексивному”.

Сразу не могу не заметить, что уже приведённые цитаты свидетельствуют о явных проблемах у С. Кургиняна с русским языком: “на основе... подбираться к ответу”, “метод... исповедую”, произвольно поставленные и не поставленные запятые. Но не будем отвлекаться на такие “мелочи”, которых в тексте изобилие. Посмотрим на то, как работает заявленный метод, например, при доказательстве одной из ключевых идей Кургиняна: “Союз русского народа” и “русская партия” – “нож в спину” государственности.

Данная идея вырастает из высказываний С. Витте и А. Байгушева. Более того, оценки Витте – чуть ли не единственный вариант характеристики времени, партий, исторических деятелей. Такой подход, по меньшей мере, односторонен.

Вполне очевидно, что Витте для Кургиняна – идеальный союзник, ретранслятор созвучных ему оценок. Отсюда многочисленные и огромные цитаты из воспоминаний Сергей Юльевича, высказывания, как будто взятые из советских учебников. Показательно и то, что Сергей Ервандович ссылается на мемуары Витте, изданные в СССР в 1960 году. То есть тогда, когда имена В. Розанова, М. Меншикова и других “правых” можно было называть только в отрицательном контексте, а о публикации их книг не могло быть и речи.

В случае с Витте, типичном для “сериала” “Кризис и другие”, “рефлексия” Кургиняна практически отсутствует, а выступает он, по сути, в роли конферансье, связывающего одно высказывание Сергея Юльевича с другим. В арифметическом выражении аналитический метод Кургиняна выглядит так. “Сюжет” с Витте “равен” 7072 знакам, из них цитаты составляют 58% (4106 знаков). Остальные 42% – комментарии Сергея Ервандовича, которые сводятся преимущественно к следующему: “Вот что Витте говорит о “Союзе русского народа” в своих мемуарах”; “Далее Витте даёт убийственную характеристику “консервативным революционерам”; “А вот ещё что пишет Витте, сумевший, как мне кажется, не только описать свою эпоху, но и заглянуть вперёд” (вновь не могу не обратить внимание на стиль автора: “пишет... описать”).

Конечно же, первостепенное значение имеет вопрос: насколько состоятельны, как достоверный исторический источник, мемуары Витте, насколько точны, объективны многочисленные характеристики событий, партий, отдельных личностей, содержащиеся в этих воспоминаниях?

Для автора “Кризис и другие” – “Сергей Юльевич Витте – один из выдающихся деятелей Российской империи”, в чьих оценках Кургинян ни разу не усомнился. При этом за рамками “эпопей” остаётся принципиально иной взгляд на личность и деятельность Витте, и современный читатель, думаю, должен о нём знать.

Сергей Юльевич характеризовался его современниками как деятель, сыгравший разрушительную роль в истории русской государственности. Например, Святой Иоанн Кронштадтский считал, что Витте, стоявший у колыбели Конституции 1905 года, – главный виновник подрыва традиционных устоев России, смуты 1905–1907 годов в частности. Олег Платонов в книге “Еврейский вопрос в России” (М., 2005) приводит текст молитвы Святого, где есть такие слова: “Господи, <...> возьми с Земли друга евреев Витте”.

Можно предположить, почему Кургинян говорит о немецко-русской родословной Сергея Юльевича. Вряд ли в этом была необходимость, но вот о факторе жены, еврейском факторе, видимо, следовало сказать, ибо на это делали и делают ударение многие авторы. Так, Николай Марков в книге “Войны тёмных сил” (М., 2002) писал: “Посланный Государем в Америку для переговоров о мире С. Ю. Витте сблизился там с американскими евреями и поторопился заключить 23 августа 1905 года бесславный Портсмутский мир, хотя не мог не знать, что Япония к тому времени совершенно выдохлась. <...> Американские евреи Яков Шиф, Леб и другие всю войну снабжали Японию деньгами и военными припасами <...> Они спасли Японию от нависшей над нею грозной опасности и через послушного иудео-масонству Витте устроили этот срамной для великой России мир”; “Витте был женат на еврейке и всецело находился под её вредным влиянием. Он был другом берлинского банкира, еврея-масона Мендельсона; ближайшим советником Витте во время его министерства был директор международного банка еврей Ротштейн – масон “Великого Востока”.

Я понимаю, какую реакцию у С. Кургиняна, и не только у него, вызовут приведённые высказывания Николая Маркова, правого монархиста, видного деятеля “Союза русского народа”. Не имея возможности высказаться по всему спектру затрагиваемых Марковым проблем, скажу о главном. Его версия о “выдохшейся” Японии подтверждается мемуарами участника событий японского дипломата Кикудзиро Исии, на которые ссылается Наталья Нарочницкая в книге “Россия и русские в мире истории” (М., 2003). Как явствует из этих мемуаров, Япония, в начале переговоров требовавшая денежную контрибуцию, весь Сахалин и все Курилы, на финише готова была на мир без Сахалина и контрибуции. Результаты деятельности главного переговорщика С. Витте Н. Нарочницкая справедливо называет неудачными, уточняя в этой связи: “При некоторой твёрдости Россия не потеряла бы южной части Сахалина. И Витте, и Розен (посол России в Вашингтоне) не случайно в своих воспоминаниях замалчивают вопрос о Сахалине и переговоры о нём”.

Второй источник, на который постоянно ссылается Кургинян, – это мемуары Байгушева. И на этот раз выбор Сергея Ервандовича характерен – и не менее странен, чем в случае с Витте.

О “русской партии”, об эпохе 60–80-х годов XX века имеются мемуарные и немемуарные свидетельства Михаила Лобанова, Станислава Куняева, Сергея Семанова и других “правых”. Но Кургинян взял книгу Байгушева, вновь продемонстрировав “преимущества” и сущность своего метода. Не мог, конечно, Сергей Ервандович допустить, чтобы на страницах его “сериала” заговорили реальные, а не мифические представители “русской партии”, например, М. Лобанов. Он, один из идеологов и самых стойких бойцов этой партии, в работе Кургиняна даже не упоминается.

Причина сего видится в том, что Михаил Петрович неоднократно заявлял: “русский орден” в ЦК КПСС – это миф. К тому же о Байгушеве, породившем данный миф, который был позже воспринят всерьёз “левыми”, Н. Митрохиным, С. Кургиняном, Лобанов в своих воспоминаниях “В сражении и любви” (М., 2003) говорит лишь один раз – и говорит так: “Ходил он в “русских патриотах”, обивал порог “Молодой гвардии”. Прибегая в редакцию, сочным

говорком сыпал новостями и историйками о евреях, о масонах, разноживал “новенькое” в редакции, так же впопыхах убежал”; “После статьи А. Яковлева Байгушев перестал бегать в “Молодую гвардию”, искал новое убежище и нашёл его в издательстве “Современник”.

Думаю, красноречив и тот факт, что Станислав Куняев в своём трёхтомнике “Поэзия. Судьба. Россия” фамилию Байгушева не назвал ни разу. И у Вадима Кожина (который вдруг стал в последней книге Александра Иннокентьевича его другом, соратником по борьбе) в многочисленных интервью и статьях автор книги “Русский орден внутри КПСС” не упоминается. А в “Русско-еврейских разборках” Сергея Семанова (М., 2003) “русская партия” представлена именами В. Кожина, М. Лобанова, А. Ланщикова, О. Михайлова, П. Палиевского, В. Распутина, В. Белова, Д. Балашова, Б. Рыбакова, И. Глазунова, В. Солоухина. Фамилия Байгушева лишь единожды возникает в главе “Русский клуб”.

Одну из ключевых ролей в концепции Кургиняна играет Михаил Бахтин, известный мыслитель, возвращённый к жизни в литературоведении и философии Вадимом Кожинным. С его же подачи был создан культ Бахтина в науке и околоннауке. Правда, бóльшая часть “русской партии” к Бахтину отнеслась с разной степенью критичности. Показательно, что уже в конце 70-х годов Юрий Селезнёв, ученик Кожина, начал “коррекцию” взглядов Бахтина, о чём мне приходилось писать (“Наш современник”, 2009, № 11). Конечно, об этом – о полемике М. Лобанова, В. Гусева, Ю. Селезнёва, С. Небольсина с Бахтиным – в статье Кургиняна ни слова, “союзников” он находит в лице Сергея Аверинцева и Алексея Лосева.

Эти мыслители, по утверждению автора сериала “Кризис и другие”, понимали, что “Бахтин бьёт и по церкви, и по абсолютной монархии <...>, и по Идейности как таковой”. И далее Сергей Ервандович в присущей ему театральной манере задаёт десять вопросов подряд, вопросов преимущественно риторических. Часть из них я приведу: “А как же Кожин и прочие этого не понимали и не понимают до сих пор? А как это можно не понимать? Если чёрным по белому написано о СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРЬЁЗНОСТИ! СРЕДНЕВЕКОВОЙ! Что? Написанное касается только католической церкви? С чего вы взяли?”

Однако слова Бахтина, в которых Кургинян увидел такой глубинный смысл и которые вызвали у него словесно-эмоциональную диарею, Сергей Аверинцев комментирует принципиально иначе и вполне определённо, о чём автор “сериала”, конечно, умалчивает. Итак, в сноске номер два Аверинцев говорит: “Как человек, лично знавший Михаила Михайловича, должен засвидетельствовать, что сам он вспоминал такие пассажи своей книги о Рабле с сожалением и в разговорах приводил их как доказательство того, что он, Бахтин, был не лучше своего времени. Надеюсь (здесь и далее в цитате разрядка моя. – Ю. П.), что в глазах каждого из нас такая способность строго и трезво взглянуть на собственный текст делает Бахтина не меньше, а гораздо больше”.

Кургинян, вместо того чтобы, как и полагается любому добросовестному исследователю, реагировать на подобные суждения Аверинцева, предпочитает их игнорировать и упорно творит свой миф, постоянно ссылаясь на известного мыслителя как на союзника.

В работе “Бахтин, смех, христианская культура” Аверинцев справедливо указывает на многие уязвимые места в известной книге о Рабле, но нигде не говорит о “сатанизме” Бахтина, на чём настаивает Кургинян. Он, любитель частого и обильного цитирования, в данном случае не приводит высказывания Аверинцева, подтверждающие сию версию, предпочитая пересказ мыслей Сергея Сергеевича, заканчивающийся нелогичным, вопиюще произвольным выводом...

На самом деле в статье “Бахтин, смех, христианская культура” Аверинцев объяснял абсолютизацию смеха автором книги о Рабле, в первую очередь, особенностями времени: “...Когда защита свободы ведётся на самой последней черте, возникает искушение захватить в руку какой-то талисман – смех <...> – ухватиться за него, как, по русской пословице, утопающий хватается за соломинку <...> Это очень понятное поведение”.

Нет ничего удивительного и в том, что все карнавально-раблезианские приметы той эпохи, в частности, называемые Аверинцевым, в статье Кургиняна отсутствуют. Как отсутствует и цитата из Бахтина, приводимая Сергеем

Сергеевичем и предваряемая комментарием, в котором содержатся такие суждения, как “Бахтин был прав”, “Бахтин имел право”, “сказал с бес-смертной (разрядка моя. — Ю. П.) силой”. В цитате Михаила Михайловича ключевыми, на мой взгляд, являются следующие слова: “Поэтому классовый идеолог никогда не может проникнуть со своим пафосом и своей серьёзностью до ядра народной души...”.

Эти слова в полной мере применимы к “классовому идеологу” Кургиняну, который проникновенно пишет об идее диктатуры пролетариата и Карле Марксе. Сергей Ервандович, коль уж называет себя аналитиком, должен был обратиться к другой статье Аверинцева с говорящим названием “Бахтин и русское отношение к смеху”. Данная работа, вышедшая через пять лет после статьи “Бахтин, смех, христианская культура”, содержит принципиальные суждения, вновь не вписывающиеся в концепцию Кургиняна, разрушающие его миф о Бахтине. Автор сочинения “Кризис и другие”, думаю, об этом знает, поэтому сия публикация осталась за бортом его “эпопеи”.

Уточню — суть в данном случае не в том, прав или не прав в своих оценках М. Бахтина С. Аверинцев, а в том, что взгляды последнего очень часто “усекаются”, искажаются, произвольно трактуются автором “сериала” “Кризис и другие”. То есть в этом вопросе, как, впрочем, и в других, Сергей Аверинцев Сергею Кургиняну не союзник и не единомышленник.

И наконец, Сергей Аверинцев прекрасно понимал, что его критика Михаила Бахтина может быть неадекватно, недобросовестно истолкована. Поэтому он, обращаясь и к “аналитикам” разного толка, и к невнимательным читателям, писал в статье, которую активно цитирует Кургинян: “Ещё важнее для меня избежать недоразумений в другом пункте — я и в мыслях не имею набрасывать тень на безупречную чистоту (разрядка моя. — Ю. П.) философских интенций Бахтина, все усилия которого были без остатка отданы защите свободы духа в такой час истории, когда дело это могло казаться безнадёжным. Весь смысл человеческой позиции Михаила Михайловича могут, наверное, понять только те, кто были ему и соотечественниками, и современниками; наша благодарность ему не должна иссякнуть”.

Поражает в мифе так называемого политического аналитика о Бахтине и другое. Даже если принять на веру версию Кургиняна, что Михаил Михайлович и его поклонники демонтировали культуру, вели “подкоп под Идеальное”, то обязательно возникнет следующий вопрос. Почему отсчёт “подкопа под Идеальное” с помощью смеха, загадочно именуемого “бахтинской смеховой культурой”, ведётся с автора книги о Рабле?

Несомненно, что этот процесс демонтажа начался гораздо раньше. Александр Блок, например, на которого часто и всегда неудачно ссылается Кургинян, ещё в статье “Ирония” (1907) говорит о разрушительном смехе как распространённом явлении начала XX века. Характеризуя его, Блок точен и созвучен той русской традиции, о которой так хорошо говорит в своих статьях Сергей Аверинцев. Всё, что Кургинян клеймит в Бахтине-Рабле, Блок находит в дорогом Сергею Ервандовичу модернизме: и “беса смеха”, и “дьявольское издевательство”, и буйство, и кощунство... Блок, не разделяющий смех и иронию, главный результат воздействия этого разрушительного смеха, этой разлагающей иронии определяет предельно точно: “Перед лицом проклятой иронии — всё равно <...>: добро и зло, ясное небо и вонючая яма, Беатриче Данте и Недотыкомка Сологуба”, “всё обезличено, всё обесчещено, всё — всё равно”.

В контексте интересующей нас проблемы, думаю, важно и то, что Блок подобный смех-иронию определяет как болезнь индивидуализма. То есть, добавлю от себя, это болезнь обезбоженного человека, всё равно какой эпохи: античности, Ренессанса, XX или XXI веков. И в данном контексте напомним Кургиняну, что Аверинцев в работе “Бахтин и русское отношение к смеху” называет “народную смеховую культуру”, или “смех”, “одной из универсалий человеческой природы”. Далее Сергей Сергеевич делает важное уточнение, которое позволяет понять многое: “Это явление, однако, по-разному окрашено в различных культурах...”.

Вот эта национально-культурная “прописка” смеха у Кургиняна отсутствует, но намётки её есть у Блока. “Корректные” — в статье “Ирония”, где он говорит о том, что “все мы пропитаны провокаторской иронией Гейне”; “некорректные” — в дневниковой записи от 17 октября 1912 года (“Хотели купить

“Шиповник” <...>, но слишком он пропитан своим, дымовско-аверченко-жидовским – юмористическим” / Блок А. Дневник. – М., 1989). Так, окружными путями, мы вернулись к Бахтину и смеховой культуре...

В ответ на утверждение Кургиняна об уничтожающей Идеальное “бахтинской смеховой культуре” у человека, хотя бы чуть-чуть знающего историю русской литературы XX века, не может не возникнуть вопрос: почему же автор “фэнтези” о кризисе ни слова не говорит о еврейской смеховой культуре – неотъемлемой составляющей литературы, культуры, жизни в Российской империи, СССР и сегодняшней России? Как-то странно вы запомнили, Сергей Ервандович, о бабелях, ильфах, войновичах и прочих сапгирах. Напомню, что ещё в 1974 году Олег Михайлов в книге “Верность”, в главе об “одесской школе” поставил вопрос о качестве смеха и выделил два его типа: русский – “смех сквозь слёзы” и “одесский” – смех ради смеха, сытый смех, смех, унижающий, уничтожающий человека. Напомню и то, что Олег Михайлов – предстатель “русской партии”, которая, как уверяет нас Кургинян, хотела истребить в народном “ЯДРЕ души” серьёзное и вместе с “духовным гуру Бахтиным” готовила ад на земле. Для пущей убедительности театральным критик сей бред оформляет соответственно: “Русские, добро пожаловать в Ад!”.

Не менее странно и другое: Кургинян, опирающийся в своих измышлениях о Бахтине на Алексея Лосева, относящийся к философу с большим почтением, почему-то не вступает в него в полемику по более принципиальным вопросам, которые являются определяющими в разговоре о проблеме и судьбе Идеального. Полагаю, что Сергей Ервандович должен был как-то отреагировать на известные высказывания Лосева или хотя бы на суждения философа, приведённые читателями сочинения Кургиняна в гостевой книге на сайте газеты “Завтра”. Любое из этих высказываний, по сути, перечёркивает “Кризис и другие”. Вот только некоторые из них: “Марксизм есть типичнейший иудаизм, переработанный возрожденческими методами; и то, что все основатели и главная масса продолжателей марксизма есть евреи, может только подтвердить это”; “...Социализм, в сущности, есть синтез папства и либерального капитализма”; “Триада либерализма, социализма и анархизма предстаёт перед нами как таинственные судьбы каббалистической идеи и как постоянно нарастающее торжество Израиля. Большинство либералов, социалистов и анархистов совсем не знают и не догадываются, чью волю они творят”.

Сергей Ервандович, вероятно, не только догадывается, но и знает, чью волю он творит...

Ещё одним деятелем, приближавшим ад для русских, разваливавшим Советский Союз, ведшим подкоп под Идеальное, был, по Кургиняну, Кожин. В случае с ним Сергей Ервандович оперирует не работами Вадима Валериановича, а его интервью. Для аналитика такая странность характерна, и отнесёмся к ней как к данности, высвечивающей исследовательские предпочтения Кургиняна. Показательно и то, что автор “эпопеи” создаёт образ Кожина, отталкиваясь от одного интервью и беседы, которые состоялись примерно за полтора года и три месяца до смерти Вадима Валериановича. Нужно ли говорить о том, что любой человек в подобной ситуации может ошибиться, запомнить?

Однако факты, приводимые Кожинным, Кургинян не подвергает ни сомнению, ни проверке – они автоматически попадают в разряд достоверных. И более того, становятся краеугольными камнями, на которых вырастает ряд ключевых сюжетов и идей “фэнтези”.

На уязвимость такого исследовательского подхода справедливо указывал сам Кожин. Он в статье “Ещё несколько слов о Михаиле Бахтине” (которая, как и другие работы Вадима Валериановича о Бахтине и Лосеве, в “эпопее” Кургиняна не фигурирует) утверждал: “Н. К. Бонецкая наверняка штудировала эту книгу (“Проблемы поэтики Достоевского”. – Ю. П.), однако ссылается она всё же не на неё, а на мемуарный (никогда не имеющий стопроцентной точности) пересказ, делая это явно для того, чтобы, так сказать, “поймать” М. М. Бахтина на якобы чуть ли не неожиданном для него самого “разоблачающем” приговоре...”.

Эти слова в полной мере применимы и к характеристике работы С. Кургиняна “Кризис и другие”. К чему приводит опора на мемуары, помноженная на авторский произвол в их трактовке, покажу на ключевых, сюжетообразующих эпизодах “эпопеи”.

Мысль о Бахтине-антисемите неоднократно варьируется на протяжении всего кургиняновского повествования. Эта явно абсурдная, несправедливая оценка подпирается авторитетом Кожина, который, по словам Кургиняна, “говорил о Бахтине как о своём “черносотенном”, “антисемитском” гуру”. Вот так одной фразой наносится сразу двойной удар по Михаилу Михайловичу и Вадиму Валериановичу.

Но в интервью, которое имеет в виду Сергей Ервандович, Кожин говорит совсем о другом. Бахтин через Розанова разрушил представления Вадима Валериановича о том, что критиковать евреев нельзя и что такая критика есть антисемитизм. К тому же Кожин не раз справедливо утверждал, что Бахтин в своих работах не выразил отношения к “пресловутой проблеме”. И естественно, что нигде – ни в интервью, ни в публичных высказываниях, ни в статьях – Кожин не называет Михаила Михайловича антисемитом. Если бы Кургинян стремился быть объективным, то он наверняка процитировал бы следующее высказывание Вадима Валериановича: “По мере того, как осваивалось их наследие (П. Флоренского, Л. Карсавина, А. Лосева и др. – Ю. П.), становилось известно, что они воспринимали пресловутый “еврейский вопрос” не так, как “положено”, и их начали обвинять в “антисемитизме”. Слово это в его истинном смысле означает принципиальное и, так сказать, априорное неприятие евреев как таковых, как этноса (что, безусловно, и безразлично, и просто неразумно), но сие слово сплошь и рядом употребляют по адресу людей, которые принципиально высказались о тех или иных конкретных действиях и суждениях лиц еврейского происхождения, и приписывать им ненависть к целому этносу – грубейшая клевета”.

Кургинян же приписывает антисемитизм Бахтину и автоматически – Кожину. Подобные обвинения в свой адрес Вадим Валерианович неоднократно комментировал и доказательно опровергал. Почему всё это не учитывает аналитик – легко догадаться...

И последнее – Кожин никогда не называл Бахтина, как и себя самого, черносотенцем, и оба мыслителя таковыми, конечно, не являлись. Я, естественно, понимаю и экзальтированность натуры, и страсть к фантазированию, и скрытые и явные комплексы Сергея Ервандовича, которые определяют многое... Но, товарищ Кургинян, всё же надо держать себя в руках – то есть оперировать фактами и, желательно, мыслить логически.

Одна из ключевых идей автора “Кризис и другие” вырастает из следующего высказывания Кожина, взятого из последнего его выступления: “Я тогда познакомился с одним итальянским коммунистом, литературным деятелем, Витторио Страда, и уговорил его написать, что итальянские писатели хотят издать книгу Бахтина. Тогда он на самом деле ещё не собирался её издавать <...>. Но он выполнил мою просьбу. Тогда началось некое бюрократическое движение. Я пробрался к директору издательского агентства и напугал его, сказав, что рукопись Бахтина находится уже в Италии (она и правда была в Италии). Мол, её там издадут, и будет вторая история с Пастернаком, которая тогда была ещё свежа в памяти. Представьте себе, этот высокопоставленный чиновник очень испугался и спросил меня, что же делать”.

Кургинян находит много нелогичностей в поведении Кожина, которые, по мнению Сергея Ервандовича, свидетельствуют о том, что Вадим Валерианович был каким-то образом связан с КГБ.

Сначала скажем о событиях, очень своеобразно понимаемых и интерпретируемых автором “сериала”. Уже в самом факте обращения Кожина к Страде, а не к Кочетову Кургинян находит смысл, разрушающий традиционное представление об одном из лидеров “русской партии”. По мнению Сергея Ервандовича, у В. Кожина, “который всегда позиционировался в качестве почвенника-охранителя”, по идее, должно быть больше общего с “охранителем-почвенником” В. Кочетовым, чем с В. Страдой.

Кожин обратился к Страде, обуреваемый одним благородным желанием – помочь опальному гению Михаилу Бахтину. Если Сергею Кургиняну, который во всём видит классовый, идеологический, тайный смысл, такое чистое желание непонятно, то здесь, как говорится, даже медицина бессильна...

Что же касается общности В. Кожина с В. Кочетовым, то сама подобная идея видится в высшей степени нелепой. Сергею Ервандовичу не мешало бы знать, что Кожин, Лобанов и другие “правые” многократно писали, что у них не было и не могло быть ничего общего с В. Кочетовым, “Октябрем”,

советским официозом – ненавистниками традиционных русских ценностей. В. Кочетов и компания с таким же энтузиазмом громили “русских патриотов”, как и А. Твардовский с новомировской компанией...

Вообще же реальность, которую создаёт Кургинян, отличается тем, что в ней по-настоящему реальным является лишь сам автор. Вот, например, как всплывает в тексте в очередной раз факт аспирантства Витторио Страды: “Весьма разборчивая в отношениях Елена Сергеевна Булгакова передаёт Страде (аспиранту МГУ, коммунисту) отрывки из “Мастера и Маргариты”, исключённые из первого советского издания”. Напомню, что первая в СССР публикация романа Михаила Булгакова была завершена в 1967 году. Аспирантом же МГУ Страда стал в 1958 году, то есть ни при каких обстоятельствах аспирантом итальянский филолог во время встречи с Еленой Сергеевной быть не мог.

Но самое курьёзное другое: Вадим Валерианович, приведя историю с Бахтиным и Страдой, невольно дал дополнительный импульс и без того фантазийнейшему Кургиняну. Перед тем как отпустить на волю своё воображение, Сергей Ервандович предупреждает: “Вы убедитесь, что реконструкция этого текста, которую я сейчас предложу, лишена всякой фантазии. И на грубом аналитическом языке излагает (“реконструкция... излагает” – это не менее сильно, чем десять подряд заданных вопросов. – Ю. П.) один к одному то, что чуть более изысканно сказано Кожинным”.

Вполне понятно, почему Кургинян заикливается на “изысканности” кожиновского рассказа (хотя на самом деле её там нет), но гораздо правильнее, продуктивнее было бы аналитику обратить внимание на другое. В публичном выступлении Вадим Валерианович допускает неточности в изложении событий 1961–1962 годов. Ранее в статье “Великий творец русской культуры XX века” Кожиннов рассказал эту историю иначе. И легко доказать, что данный вариант более соответствует реальным фактам, чем тот, на котором строит свои фантазии Кургинян. Для этого нужно лишь прочитать переписку Кожиннова с Бахтиным (“Москва”, 1992, № 11–12).

Так вот, согласно первоначальной – точной – версии событий именно Витторио Страда, готовивший издание работ о Достоевском, “пожелал познакомиться” с Кожинновым, а тот предложил ему книгу Бахтина (видите, как всё предельно просто оказывается, Сергей Ервандович). И не каким-то подпольным путём рукопись попала за границу, как утверждает Кургинян, и тем более не в 1961 году, как свидетельствует в выступлении Кожиннов и вслед за ним автор “Кризис и другие”. Рукопись попала в Италию в 1962 году вполне официально, принятым в СССР путём через соответствующую структуру – издательское агентство...

В очередной раз отдаю должное фантазии Кургиняна. Ведь такое нужно было придумать – одновременно повязать Вадима Кожиннова и Михаила Бахтина с “мировой закулисой” в лице Витторио Страды – и с Юрием Андроповым, КГБ, “русским орденом” в ЦК КПСС.

Показательно, что миф о “русском ордене”, рождённый либералами-русофобами и Александром Байгушевым, подхватил и оригинально модернизировал “красный патриот”, “имперец” Сергей Кургинян. Не вызывает сомнений, что его “Кризис и другие” – вода на мельницу антирусских сил разного толка. Не буду гадать, чем вызвана эта публикация на страницах газеты “Завтра”. Скажу кратко об очевидном, игнорируемом Кургиняном в данном сочинении и игнорируемом всегда его единомышленниками (советскими патриотами) и оппонентами (либералами-космополитами).

Легенда о “русском ордене” в ЦК КПСС разбивается вдребезги о неизменную – антирусскую – национально-государственную политику Старой площади, идеологию уникальной “империи наоборот” и многое другое, о чём многократно и справедливо писали “правые”. Помимо известных статистических данных, подтверждающих явную ущемлённость русских в СССР, Кургиняну и его единомышленникам не стоит забывать о судьбах И. Огурцова, Л. Бородина, Е. Вагина, В. Осипова, М. Лобанова, С. Семанова, Ю. Селезнёва, В. Кожиннова и других русских патриотов, по-разному пострадавших в 60–80-е годы – во времена правления якобы обрусевшей власти. К тому же следует помнить и о том, что рассказывали представители “русской партии” о контактах с их, по версии Байгушева–Кургиняна, “кураторами” из “русского ордена” в ЦК КПСС.

Михаил Лобанов так свидетельствует об этих “контактах” в своей книге “В сражении и любви” (М., 2003): “Наши встречи с партийным и комсомольским начальством ничего, разумеется, не дали”; “Надеялись мы на поддержку Кириленко <...>, но он недовольно проворчал явно не в нашу пользу: “Русофилы”; “А мы, русские, “почвенники” <...>, – мы не только не встречали понимания в ЦК, нас считали главными и, пожалуй, единственными нарушителями “партийности””.

Итак, прочитанная мною часть работы Кургиняна “Кризис и другие” позволяет сделать следующие выводы: аналитический метод одного из главных идеологов “Завтра” сверхузвим; Кургинян не в состоянии объективно, непредвзято, адекватно оценить исторические события XX века и роль отдельной личности (С. Витте, М. Бахтин, В. Кожин и т. д.). К тому же автор “эпопеи” страдает русофобией. Он не может предложить реальную альтернативу тому губительному курсу, по которому идёт наша страна. Такие “аналитики”, как Кургинян, выгодны, необходимы нынешней власти, ибо своими статьями, книгами, выступлениями на телевидении они уводят читателей, зрителей от истинных ценностей, от подлинного понимания далёкой и близкой истории и дня сегодняшнего.